

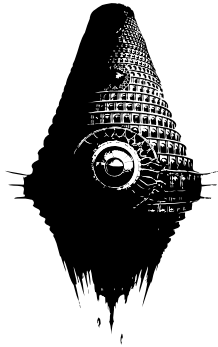

ФАНТАСТИКА ЧАЙНЫ МЪЕВИЛЯ

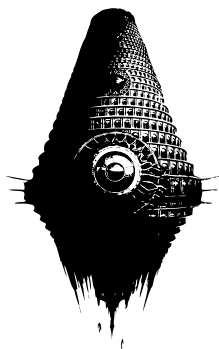
CHINA MIÉVILLE

EMBASSYTOWN

ЧАЙНА МЪЕВИЛЬ

Посольский
ГОРОД

fanzon

Москва

2020

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
М96

China Miéville
EMBASSYTOWN
Copyright © China Miéville 2011

Разработка дизайна серии *Андрея Саукова*
Иллюстрации на обложке и форзаце *Василия Половцева*
Компьютерный дизайн *Радия Фахрутдинова*

Фотография на 4-й странице обложки:
© Rob Monk / SFX Magazine / Gettyimages.ru

Мьевиль, Чайна.
М96 Посольский город / Чайна Мьевиль ; [перевод с английского Н. В. Екимовой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-111838-9

В далеком будущем люди колонизировали планету Ариеку, обитатели которой владеют самым уникальным языком во Вселенной. И лишь немногие из землян, специально модифицированные, способны общаться с этими существами. После долгих лет, проведенных в глубоком космосе, на планету возвращается Ависа Беннер Чо. Она не может говорить на языке ариекаев, но она — неотделимая его часть, давно превращенная в фигуру речи — живое сравнение. Когда в результате сложных политических махинаций на Ариеку прибывает новый посол, хрупкое равновесие между людьми и аборигенами резко нарушается. Вот вот разразится катастрофа, и Ависа разрывается между противоречивыми привязанностями: к мужу, которого она больше не любит, к системе, которой она больше не доверяет, и к своему месту в языке, на котором она не может говорить, но который говорит через нее, нравится ей это или нет...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-111838-9

© Н. Екимова, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Для Джесс

Слово должно что-то значить
(кроме себя самого).

Уолтер Бенджамин
«О языке вообще
и о языке человеческом»

Все дети посольства видели, как садился корабль. Учителя и дежурные родители много дней подряд задавали им рисунки на эту тему. Под их картинки в комнате была отведена целая стена. Вопреки фантазиям детей пушолеты уже много веков не извергают пламени, но изображать их с огненными хвостами вошло в традицию. В детстве я тоже их так рисовала.

Я разглядывала картинки, мужчина рядом со мной тоже наклонился посмотреть.

— Гляди, — сказал он. — Видишь? Это ты. — Лицо в иллюминаторе корабля. Мужчина улыбнулся. И сделал вид, будто сжимает штурвал, как это делала бесхитростно нарисованная фигурка.

— Уж ты нас извини, — сказала я, кивая на рисунок. — Мы ведь провинция.

— Ничего страшного, — ответил пилот. Я была старше него, наряднее и сыпала сленгом, рассказывая истории. Я его волновала, и ему это нравилось.

— И вообще, — сказал он, — это... Это же восхитительно. Быть здесь. На самом краю. И что за ним, один Господь знает. — И он пошел на Бал Прибытия.

Праздники бывали разные: сезонные, выездные, выпускные и ежегодно-посылочные, три Рождества в декабре; но Бал Прибытия всегда был самым главным.

Покорный причудам коммерческих ветров, он случался непредсказуемо и редко. С последнего прошли годы.

Дипломатический Зал был переполнен. Служители посольства затерялись среди охранников, учителей и врачей, местных артистов. Изолированные внешние общины фермеров-отшельников прислали свои делегации. Пришельцев снаружи было очень мало, их можно было отличить по костюмам, фасоны которых скоро скопируют местные. Команда отправлялась обратно назавтра или через день; Бал Прибытия всегда устраивали в конце визита, отмечая приезд, а заодно и отъезд.

Играл струнный септет. Одной из музыкантов была моя подруга Гарда, которая увидела меня и нахмурилась, словно извиняясь за неизысканную джигу, которую они как раз исполняли. Мужчины и женщины помоложе танцевали. Их начальники и просто люди постарше сами с удовольствием пустились бы в пляс, но смущались и лишь иногда покачивались в такт музыке или, к восторгу младших коллег, позволяли себе насмешливый пируэт.

Бок о бок с выставкой детских рисунков на стенах Дипломатического Зала висели постоянные украшения: картины маслом и гуашью, плоские и трехмерные фотографии служителей, послов и атташе; и даже Хозяев. Картины отражали историю города. Вьющиеся растения карабкались по панелям до самых лепных карнизов, где сплетались, образуя живую бадахин. Его поддерживали специальные деревья. В их ветвях жужжали осокамеры размером с большой палец руки, они охотились за кадрами для передачи.

Охранник, с которым мы дружили в детстве, приветственно махнул мне искусственной рукой. Его силуэт четко вырисовывался на фоне окна в несколько ме-

тров высотой и шириной, в которое был виден город и Лиллипэд-Хилл. На склоне холма стоял нагруженный корабль. За километрами крыш, позади вращающихся церковных маяков паслись энергостанции. Напуганные посадкой корабля несколько дней назад, они еще не пришли в себя и держались поодаль. Было видно, как они переминаются с ноги на ногу.

— Это все вы, — сказала я, указывая на них штурману. — Вы виноваты. — Он рассмеялся, хотя сам толком и не глядел, куда я ему показывала. Слишком многое привлекало его внимание. Для него это был первый спуск.

Мне показалось, что я узнала лейтенанта из предыдущей партии. В его прошлый визит, годы тому назад, в посольстве стояла мягкая осень. Мы с ним ходили шуршать палой листвой в висячие сады и любовались оттуда городом, где не было ни осени, ни других понятных ему времен года.

Я прошла сквозь струи дыма с подносов с возбуждающими курениями и попрощалась. Группа иноземцев, закончивших здесь свои дела, улетаала, а с ними кучка местных, которые подали заявления на право выхода и получили положительный ответ.

— Дорогая, ты что, плачешь? — спросила Кайли. Я не плакала. — Завтра мы еще увидимся, а может, и послезавтра тоже. И ты сможешь... — Но она знала, что всякое общение будет затруднено и рано или поздно прервется. Мы обнимались до тех пор, пока она сама не прослезилась и тут же рассмеялась, добавив: — Уж кто-кто, а ты должна знать, почему я улетаю.

А я ответила:

— Конечно, я знаю, дура, я же просто завидую!

Я видела, что она думает: «Ты сама сделала свой выбор», и это была правда. Я собиралась уехать, пока

полгода назад последний миаб не принес потрясающее известие о том, что или кто к нам направляется. Но и тогда я пообещала себе, что не буду менять планы и вырвусь наружу со следующей сменой. Однако я не слишком удивилась, обнаружив, что не хочу никуда лететь, хотя иол уже с грохотом рвал над нами небо, заходя на посадку. Скайл, мой муж, наверное, раньше меня понял, что так и будет.

— Когда они придут? — спросил пилот. Его интересовали Хозяева.

— Скоро, — ответила я, хотя сама понятия не имела. Я-то ждала совсем не их.

Прибыли послы. Люди обступили их, но не толкались. Кольцо пустоты, воздушный ров всеобщего уважения, окружало их всегда. Снаружи по окнам забарабанил дождь. Ни от кого из моих друзей, ни из одного обычного источника мне не удалось узнать о том, что происходит за закрытыми дверями. С самыми главными и вызывающими наибольшее сомнение пришельцами общались только важные шишки и их советники, а я не входила в их число.

Люди поглядывали на дверь. Я улыбнулась пилоту. Вошли еще послы. Я улыбалась им до тех пор, пока они не ответили.

Скоро появятся Хозяева города, а с ними и последние из новоприбывших. Капитан и остальная команда; атташе; консулы и исследователи; может быть, паратройка новых иммигрантов; и, самое главное, немислимый новый посол.

0.1

В детстве в Послограде мы играли с монетами и полумесяцами железной стружки с монету толщиной из слесарных мастерских. Играли всегда в одном и том же месте, у одного и того же дома, среди горбатых улочек на задворках многоквартирных домов, где под листьями плюща переливались щиты рекламы. В тусклом свете, лившемся со старинных экранов, мы играли у стены, которую назвали в честь предметов, служивших нам игрушками. Я помню, как закручивала волчком тяжелую монетку в два су и пела — орличек, покрутись, решечка, покажись, — пока она не падала орлом или решкой вверх, постепенно затихая. Та сторона, которая оказывалась наверху, в сочетании со словом, до которого я успевала добраться, вместе обозначали какую-то потерю или удачу.

Так и вижу, как я, сырой весной или летом, зажав в руке двухпенсовик, спорю с другими девчонками и мальчишками о том, как истолковать то или иное его положение. Мы ни за что не согласились бы играть в другом месте, хотя тот дом, о котором, как и о его обитателе, рассказывали разное, иногда нагонял на нас страх.

Как любые дети, мы хорошо знали родной город, который изучали самозабвенно, настырно и своеобразно. На рынке нас интересовали не столько лотки с товарами,

сколько уютная конурка, оставшаяся в верхней части стены после того, как оттуда выпали кирпичи и до которой мы все никак не могли дорасти. В детстве я не любила огромный камень, отмечавший границу города, некогда разбитый, а потом заново скрепленный известью (с какой целью, я тогда не знала), и библиотеку, зубцы и панцирь которой внушали мне опасения. Зато мы любили колледж, по гладкому пластоновому двору которого волчки и другие вертящиеся игрушки уносились на много метров вдале.

Мы были настоящими сорванцами, и нам нередко грозили констебли, а мы отвечали им: «Все в порядке, сэр, мадам, нам просто надо...» — и мчались дальше. Мы проносились сквозь частую сеть горбатых, запруженных пешеходами улиц, мимо бездомных автомов Послограда, а вместе с нами или рядом с нами по крышам бежали звери, и, хотя мы иногда останавливались, чтобы влезть на дерево или вскарабкаться по старой лозе, рано или поздно мы все же достигали промежутка.

Здесь, на краю города, в сутолоке углов и разрывах площадей наших родных улиц уже проявлялась необыкновенная геометрия домов Хозяев; сначала изредка, дальше — больше, пока наконец наши постройки не исчезали вовсе. Конечно, мы пытались войти в их город, где улицы становились другими, а кирпичные, цементные и плазменные стены уступали место живым, из плоти и крови. Для меня эти попытки были серьезным делом, и лишь сознание того, что преуспеть в них все равно нельзя, успокаивало.

Мы состязались, подначивая друг друга зайти как можно дальше и оставить там знак. «За нами гонятся волки, надо бежать!» или «Кто зайдет дальше всех, тот визирь!» — говорили мы. В своей ватаге я держала третье место по заходам на юг. Там, где мы обычно это делали, висело переливавшееся очаровательными неземными цветами Хозяйское гнездо, державшееся скрипевшими от напряжения

..... ПРЕАМБУЛА. ИММЕРЛЕТЧИЦА .....

веревками мускул за ограду, которую Хозяева в каком-то приступе жеманства стилизовали под наш плетень. Я забиралась на него, а мои друзья свистели с перекрестка.

В моих детских снимках нет ничего неожиданного: то же лицо, что и сейчас, только не до конца сформировавшееся, те же недоверчиво поджатые губы, та же улыбка, так же косит глаз в моменты наивысшего сосредоточения, за что надо мной нередко смеются, то же поджарое тело вечной непоседы. Набрав полную грудь воздуха, я задерживала дыхание и шла сквозь смешанную атмосферу — сквозь неплотную, но вполне осязаемую границу, сквозь газовый проходной пункт, сквозь ветры — порождение наномашин и виртуозного атмосферного творчества — чтобы написать на белом дереве «Ависа». Однажды, бравирюя, я хлопнула ладонью по живому якорю гнезда в том месте, где он переплетался с кольями ограды. Его плоть оказалась тугой, как тыква. Задышавшись, я помчалась назад, к друзьям.

— Ты его коснулась. — Они сказали это с восхищением. Я смотрела на свою руку. Сейчас мы побежим на север, к золи, и сравним наши достижения.

Тихий, всегда с иголочки одетый джентльмен жил в доме, у которого мы играли в деньги. Для местных он был источником беспокойства. Иногда он появлялся в самый разгар игры. Окинув нас взглядом, он поджимал губы, что могло означать как улыбку, так и неодобрение, потом поворачивался и уходил.

Нам казалось, будто мы понимаем, кто он. Мы, конечно, ошибались, но все, что нам было о нем известно, мы слышали в окрестностях его дома и считали его самого оскверненным, а его присутствие неуместным.

«Эй, — не раз говорила я своим друзьям, когда он появлялся, и показывала за его спиной пальцем. — Эй».

Когда хватало смелости, мы крались за ним по переулкам, вдоль зеленых изгородей, мимо которых он шел на реку, или на рынок, или к развалинам архива, или к Посольству. По-моему, раза два кто-то из нас от волнения выкрикивал что-то глумливое. Прохожие тут же одергивали нас.

— Имейте же уважение, — решительно сказал нам продавец измененных устриц. Поставив свою корзину с моллюсками на землю, он отвесил короткий подзатыльник Йогну, который как раз и крикнул. Взгляд разносчика был направлен джентльмену в спину. Помню, тогда я вдруг поняла, хотя и не смогла бы объяснить словами, что гнев прохожих направлен не только на нас, и те, кто шикал нам в лицо, не одобряли, хотя бы отчасти, того человека.

— Им не нравится, что он там живет, — сказал в тот вечер дежурный отец, папа Бердан, когда я рассказывала ему об этом. Я несколько раз повторила эту историю отцу, описывала человека, которого мы преследовали со смущением и осторожностью, расспрашивала о нем. Я спросила, чем он не нравится соседям, а отец нерешительно улыбнулся и поцеловал меня перед сном. Я смотрела в окно и не спала. Я наблюдала за звездами и лунами, глядела на мерцание Руин.

Даты последующих событий я помню совершенно точно, ведь все началось сразу после моего дня рождения. В тот день я предавалась меланхолии, о которой мне теперь смешно даже вспоминать. Было уже за полдень. Стояло третье шестнадцатое сентября, домиңдей. В полном одиночестве я размышляла о своем возрасте (тоже мне, Будда нашлась!), сидя у стены и запуская подаренные мне на день рождения монетки. Я слышала, как открылась дверь, но глаз не подняла, так что мужчина из того дома, долж-

..... ПРЕАМБУЛА. ИММЕРЛЕТЧИЦА .....

но быть, несколько секунд стоял и смотрел, как я играю. Осознав это, я с недоумением и тревогой взглянула на него.

— Девочка, — сказал он. И поманил меня рукой. — Пожалуйста, пойдем со мной. — Не помню, чтобы я всерьез задумывалась о бегстве. Мне казалось, что я могу только повиноваться.

Его дом ошеломил меня. Он состоял из одной длинной комнаты, где все было темным: громоздкая мебель, экраны, статуэтки. Повсюду что-то двигалось, автоматы делали свою работу. В нашей детской тоже были вьюнки, но они и отдаленно не напоминали эти жилистые, блестящие черными листьями синусоиды и спирали, такие контрастные на фоне стен, что они казались нарисованными. Кроме них на стенах были картины и плазминги, движения которых стали другими, едва мы вошли. На экранах в старинных рамках менялась информация. Духи величистой с ладонь двигались среди растений на трехмерной фотографии, похожей на перламутровую доску для игр.

— Твой друг. — Мужчина указал на диван. На нем лежал Йогн.

Я назвала его имя. Его ноги в ботинках пачкали обивку, глаза были закрыты. Он был весь красный и с присвистом дышал.

Я взглянула на мужчину, боясь, как бы он и со мной не сделал то же самое, что, видимо, сделал с Йогном. Избегая моего взгляда, он возился с какой-то бутылкой.

— Они принесли его ко мне, — сказал он. Он оглянулся, словно в поисках подсказки, как говорить со мной дальше. — Я вызвал констеблей.

Он посадил меня на табурет рядом с моим едва дышавшим другом и протянул мне стакан стимулирующего средства. Я с подозрением смотрела на него, пока он не отпил из него сам, а потом выдохнул, широко